

«ПЫЛИНКА ДАЛЬНИХ СТРАН»: АЛЕКСАНДР БЛОК И ГРЕЗЫ О ВОСТОКЕ¹

БОРИС МЕЖУЕВ

Кандидат философских наук, доцент философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель редакционного совета проекта «Русская Idea», главный редактор альманаха «Самопознание»

До сих пор среди историков бытует мнение, что дальневосточная политика царизма 1890–1907 гг. не встречала сочувствия и понимания в русском обществе, что инициативы министра финансов Сергея Витте по мирному проникновению в Китай воспринимались в России с равнодушием, если не откровенным неприятием. Дело в том, что о надеждах, не только геополитических или экономических, но и культурных, связанных с активностью России в¹ Азии, отечественные мыслители и политики впоследствии действительно не любили вспоминать. Даже евразийцы, которые как будто должны были с интересом относиться к геополитическим экспериментам Николая II и его министров, с каким-то смущением отворачивались от идей и достижений той эпохи, предпочитая возводить свою родословную к славянофилам, а не тех, кого в позднейшей историографии стало принято именовать «восточниками»².

1 Этот текст написан в живом диалоге с исследователем жизни и творчества Сергея Николаевича Сыромятникова, его внучатым племянником Борисом Дмитриевичем, которому хочу выразить большую признательность за материалы, любезно предоставленные для публикации в данной статье.

2 См. Межуев Б.В. Моделирование понятия «национальный интерес»: На примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX века // «Русский Архипелаг», 1999; <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/east/modelling>

Это странное забвение целой эпохи русской геополитики и геокультуры, отмеченной стремлением нашего Отечества утвердить себя в качестве одной из ведущих азиатских держав (и более того, покровительницы или же владычицы всего азиатского континента), объясняется, видимо, глубокой внутренней травмой, вызванной крахом, по выражению историка последнего царствования — С.С. Ольденбурга — «великой азиатской политики»³.

ОЖИДАНИЕ «ПРИБЫТИЯ Кораблей» – ПОСЛЕДНЕЕ, ЧТО УДЕРЖИВАЕТ ЛЮДЕЙ ОТ БУНТА И НЕ ДАЕТ УГАСНУТЬ ВЕРЕ В СВЯЩЕННЫЙ ХАРАКТЕР ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Цусимская катастрофа мая 1905 г. явилась, возможно, даже более значительным фактором в делегитимации самодержавия, чем 9-е января. Бывший революционер-народоволец и крупнейший идеолог самодержавия Лев Тихомиров оставил в своих дневниках признание, что с победой Японии и подписанием Портсмутского мира Россия погибла (я благодарен Г.Б. Кремневу за эти сведения). Погибла в том смысле, что ее существование как империи утратило исторический смысл, заключавшийся в миссии распространения христианской веры среди народов Востока. Дмитрий Менделеев, который еще и в 1905 г., даже после Портсмута, продолжал надеяться на союз с Китаем, по

3 См.: Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939.

Сергей Ольденбург (1888-1940) – сын известного востоковеда С.Ф. Ольденбурга, историк и публицист, журналист, профессор истории, белый эмигрант. Автор фундаментального исследования «Царствование Императора Николая II», написанного с право-консервативных позиций Ольденбург критически относится к Витте и весь замысел «великой азиатской политики» приписывает самому императору.

воспоминаниям его дочери Ольги Дмитриевны, был потрясен известием о гибели русской эскадры под Цусимой. «Теперь все кончено», — сказал он⁴, и эти слова, полагаю, вместе с великим ученым мог бы произнести и его молодой зять, поэт Александр Блок.

В одном из наиболее загадочных своих произведений, драме «Король на площади» (1906), которую сам Блок в беседе с молодой поэтессой Надеждой Павлович называл «петербургской мистикой», поэт, мне кажется, попытался передать в фантастических образах настроения петербуржцев весны 1905 г. В начале драмы городская толпа, уже плененная речами вождей бунтовщиков, не решается полностью отдаться во власть революционной стихии, ожидая скорого свершения некоего чудесного события. Это грядущее чудо связывается в пьесе с надеждой на прибытие из далеких стран кораблей — сюжет, восходящий к созданной Блоком двумя годами ранее «Короля на площади» поэме «Ее прибытие».

Ожидание «прибытия кораблей» — последнее, что удерживает людей от бунта, последнее, что по какой-то непонятной причине не дает угаснуть вере в священный характер царской власти, олицетворяемой стоящим на центральной площади города изваянием Короля. Согласно некоей таинственной «сказке», «сказке о жизни вечерней», о которой упоминает Дочь Зодчего, Король должен освободиться от своего сна, как только «на смертное ложе царя взойдет прекрасная дева» и вдохнет в него жизнь. Это предание имеет библейский прообраз и отсылает нас к Третьей Книге Царств, где говорится об истории царя Давида, которому на смертном ложе продлевает жизнь дыхание молодой девушки. Однако здесь эта история имеет явно символический смысл, и он непосредственно связан с центральным символом всей драмы — таинственными кораблями, которые отправились по приказу Короля

«<...> я была у отца в мае месяце, и в это время произошла гибель эскадры адмирала Рожественского в Цусимском проливе. Я была на Невском гаса в три дня, когда эта весть разнеслась по городу и всюду продавались экстренно выпущенные телеграммы. Город сразу затих и умолк, ведь там, далеко на Востоке, были отцы, мужья, сыновья, женихи. Я сейгас же вернулась к отцу, чтобы никто иной не успел ему сказать об этом ужасе. Я вошла к нему в кабинет. Он по обыкновению был один, окруженный бумагами. Услышав мои шаги, Дм. Ив. снял очки и ждал меня, отложив бумаги в сторону. Когда я, насколько возможно осторожно, сообщила ему о случившемся, он откинулся назад в кресле, закрыл глаза, и из них тихо побежали слезы, затем, махнув рукой, проговорил: «Теперь все кончено». Потом привстал, весь вдруг осунулся, сгорбился и ничего не велел принимать».

в неизвестные страны и от возвращения которых зависит судьба всего королевства.

Но корабли не приходят, недовольство людей растет, и роль Королевы отваживается исполнить Дочь Зодчего, некогда сотворившего изваяние и, возможно, придумавшего всю легенду о «воскрешении» Короля. Дочери Зодчего не удастся оживить Короля, и даже радостный возглас влюбленного в нее Поэта не изменяет ситуации: толпа набрасывается на постамент, свергает статую и погребает под ее обломками двух героев.

Что же это за корабли? И что это за таинственная «сказка», которая так часто встречается в поэзии Блока 1904–1906 гг. «Но, как в сказке, люди в море: / Тяжкой ношей каждый горд, / И, туманным песням вторя, / Грохотал угрюмый порт». Это как раз из незаконченной поэмы «Ее прибытие». «Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной за древнюю сказку мертвым лечь...» — это из датированного 18 октября 1905 г. стихотворения «Еще прекрасно серое небо». Публикуя в 1912 г. «Ее прибытие» во втором томе своего Собрания стихотворений, Блок писал в предисловии, что он решает «поместить здесь эту слабую и неоконченную поэму потому, что она характерна для книги и для того времени, как посвященная разным “несбывшимся надеждам” (по моему тогдашнему замыслу). <...> Развитие той же темы — в лирической драме “Король на площади”». З. Г. Минц, которая посвятила поэме отдельную статью, рассматривала «несбывшиеся надежды» в контексте увлечения юного Блока философией Вл. Соловьева

⁴ См.: Менделеева-Тригорова О. Д. Менделеев и его семья. [М.:] Изд. АН СССР, 1947. С. 89. См. вынос.

и его собственных романтически-христианских исканий⁵. Однако знаменитому исследователю поэтики русского символизма явно не удастся нащупать обозначенную самим заглавием ее статьи связь между мистикой «Ее прибытия» и «Короля на площади» с революционными переживаниями Блока.

Дело в том, что Блок в это время был довольно неустойчив в своих революционных умонастроениях. «Король на площади» — произведение, в котором отразилось явное колебание самого поэта, как и его лирического героя, между сочувствием голодной толпе и верностью монархическим устоям. Но выбор в конце пьесы герой делает все-таки в пользу Короля, а окончательный вердикт произносит Зодчий, бросающий в финале революционной толпе осуждающие слова: «Вы разбили мое создание, и вот остается дом ваш пустым». В ранней версии «Ее прибытия», в стихотворении «Рассвет», опубликованном в журнале «Образование» в № 11 за 1907 г., есть такие строки, позднее исключенные автором при переделке поэмы в 1911 г.: «Миг — и, сверкая безмерно славой! / Жертвенной кровью вскипели моря. / И, взлетая на гребень кровавый, / Мы увидали над морем — Царя». Там же в этой ранней редакции поэмы опять появляется тема некоей «сказки»: «Там, вдалеке — в очертаньи неясном / Сказка далеких морей расцвела».

⁵ См.: Минц З. Г. Поэма А. А. Блока «Ее прибытие» и революция 1905 года // Минц З. Г. Блок и русский символизм. Избранные труды в трех книгах. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999. С. 429–443.

Можно вспомнить еще два стихотворения Блока, где возникает образ «кораблей». Это, во-первых, знаменитая «Девушка пела в церковном хоре». По поводу появления образа «кораблей, ушедших в море» в этом стихотворении Роман Якобсон писал в своей известной статье «Стихотворные прорицания Александра Блока»: «Трагическая тема обманутой надежды на возвращение кораблей, быть может, наново захватила поэта в связи с недавним ужасом Цусимы (май 1905 г.), и впоследствии он напомнит: «Раскинулась необозримо / Уже кровавая заря, / Грозя Артуром и Цусимой»⁶. Это очень пронизательное замечание знаменитого лингвиста и литературоведа позволило блоковедам видеть в образе «кораблей» данного стихотворения судьбу погибшей в Цусимском бою Второй Тихоокеанской эскадры. Странно, однако, что исследователи до сих пор не попытались при анализе этой аллюзии в творчестве поэта обратиться и к другим его текстам того же времени.

Корабли эскадры покинули балтийский порт Либава 2 октября 1904 года, а чуть ранее, 17 сентября, из Кронштадта вышел броненосец «Орел». В поэме «Ее прибытие», таким образом, вполне можно было увидеть символическое отражение этой военной экспедиции и сделать вывод, что те самые «несбывшиеся надежды», о которых писал Блок в предисловии ко второму тому своих стихотворений, относились прежде всего к тем задачам, которая ставила перед собой эскадра — а именно к победе над Японией и удачному для России завершению войны. Вероятно, не случайна и авторская датировка поэмы — 16 декабря 1904 года — примерно в эти дни стало известно о гибели под Порт-Артуром Первой Тихоокеанской эскадры, которая была окончательно затоплена 20 декабря, накануне падения города. Если наше предположение справедливо, можно сделать вывод, что романтические мечтания Блока того времени были глубинным образом связаны с проектами дальневосточной политики царской власти, с представлением о том, что победоносные итоги «восточнического» курса приведут к обновлению монархии, вдохнут новые силы в, казалось бы, уже одряхлевший строй и оправдают неизбежные страдания городской бедноты, которым всегда так сочувствовал поэт.

Вспомним и другое, гораздо более позднее стихотворение Блока: «Ты помнишь? В нашей бухте сонной», написанное в 1911 г. во французском порту Аберврак. Неожиданное посещение порта колонной военных кораблей навевает на поэта целую серию странных и малообъяснимых

⁶ См.: Якобсон Р. О. Стихотворные прорицания Александра Блока // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 259.

самих по себе поэтических ассоциаций, причем как будто имеющих какое-то положительное содержание и не сводящихся лишь к предчувствию близкой войны: «Мир стал заманчивей и шире». Поэт в заключительной строфе объясняет причину своих переживаний, впечатление от прихода этих кораблей вызывает в его памяти давние иллюзии и надежды: «Случайно, на ноже карманном / Найти пылинку дальних стран — / И мир опять предстанет странным, / Закутанным в цветной туман». Можно предположить, что поэт вспоминает, среди бытовой прозы и скуки, те давние мечты и «несбывшиеся надежды», которые были так тесно связаны в его восприятии с образом военных кораблей, отправившихся в «дальние страны».

Итак, если принять нашу гипотезу, мифопозитика Блока эпохи «первых зорь» 1903–1905 годов связана с мечтами о «восточной политике» России, которая будет призвана вдохнуть новые жизненные силы в умирающую или, точнее, стагнирующую русскую государственность и тем самым предотвратить неизбежную революцию. Поэтому многие отечественные исследователи раннего творчества Блока так часто оказывались в тупике: они упрямо искали во всех мистических видениях и предчувствиях поэта периода 1904–1906 гг. либо что-то соловьевское, либо что-то революционное, социал-демократическое. Действительно, в мировоззрении поэта был и тот и другой компонент: он называл себя в это же время и «соловьевцем», и «социал-демократом»⁷. Но, похоже, этими двумя аспектами мировоззрение — в том числе и политическое — Блока не исчерпывалось. Думаю, был еще в его взглядах еще один аспект, в котором он расходился и с «соловьевством», и с «социал-демократией». Мы говорим о русском «восточничестве» — в надежде на успех восточной политики императора. Понятно, что социал-демократия воспринималась Блоком как что-то противоположное консервативному и монархическому «восточничеству», но и Вл. Соловьев даже со всеми своими страхами перед грядущей «желтой опасностью» не мог быть источником подобных переживаний.

Вл. Соловьев одобрял направленность на Дальний Восток российской внешней политики двух последних русских императоров, но для автора «Панмонголизма» была недопустима мысль о России — как азиатской, а не европейской стране. В Азии он не видел никакого залога возрождения империи, но, скорее, возможность для России реализовать свою миссию европейской и христианской державы.

⁷ См. известное письмо к А. В. Гиппиус от 9 ноября 1905 г., в котором Блок прямо называет себя «социал-демократом»: Блок А. А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8: Письма. М.; Л., 1963. С. 141.

В мемориальном очерке, посвященном смерти философа, кн. С. Н. Трубецкой сообщал, что накануне кончины Соловьев рассуждал об «убожестве европейской дипломатии», оказавшейся неспособной осознать великую опасность Китая и решить «китайскую проблему» колониальным разделом империи. Соловьев и Трубецкой сокрушались по поводу того, что в России находятся люди, мечтающие «о союзе с Китаем против англичан, а в Англии — о союзе с японцами против нас».

Трубецкой С. Н. Смерть В. С. Соловьева 31 июля 1900 г. // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 294.

«Восточнические» надежды Блока, если они и в самом деле существовали, шли не от Вл. Соловьева. Они могли идти из двух источников.

Прежде всего, от его тестя Дмитрия Ивановича Менделеева, наиболее вероятного прообраза Зодчего из драмы «Король на площади». Давнее предположение Д. Е. Максимова, что в Зодчем символически запечатлен тесть поэта, находит косвенное подтверждение в приводимой в комментариях к драме в VI томе последнего собрания сочинений дневниковой записи друга Блока Е. П. Иванова от 18–20 июня 1908 г.: «... люблю очень “Короля на площади” и такого, как он есть, предпочитаю “Песне Судьбы”, такой, как она есть теперь, потому что на площади Университетской истукан Менделеева вооружают»⁸. В статуе Короля, как мы знаем из авторского предупреждения к пьесе, отразились черты самого Зодчего, так что соотношение этих двух образов драмы вполне законно. Д. Е. Максимов, высказывая свою гипотезу о Зодчем-Менделееве, указывал на такие качества великого ученого, как его «сверхъестественное ведение», «близость к народу» и неприятие «интеллигентской позиции»⁹. Но можно вспомнить, что Менделеев был тесным сотрудником Витте и приверженцем его дальневосточной политики. Его старший сын, морской офицер Владимир Дмитриевич, единокровный брат Любови Дмитриевны, путешествовал вместе с цесаревичем Николаем Александровичем в 1891 г. на фрегате «Память Азова» в его знаменитом кругосветном путешествии по Востоку. Любимый друг и слуга Менделеева, «его няня» Михаил Тропников, который постоянно сопровождал ученого, тоже

⁸ См.: ИРЛИ. Ф. 411, е. х. 45, л. 41; цит. по: Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 томах. Т. 6. М.: Наука, 2014. С. 478.

⁹ См.: Максимов Д. Е. Александр Блок и революция 1905 года // Революция 1905 года и русская литература. М.; Л., 1956. С. 270–271.

участвовал в этой экспедиции в качестве вестового. Так что, «восточнический» ореол как бы окружал фигуру Дмитрия Ивановича.

Вторым возможным источником «восточнических» переживаний поэта могли явиться статьи в газете «Новое время», которую, как сообщает в своих мемуарах тетка поэта Мария Андреевна Бекетова, Александр Блок регулярно читал вместе со своей матерью Александрой Андреевной Бекетовой до 1905 г. Известно, что поэт впоследствии ненавидел «Новое время» и, приветствуя ее закрытие Временным правительством, называл этот орган печати «местом, где несколько десятков лет развращалась русская молодежь и русская государственная мысль»¹⁰. Но отрицательное отношение к «Новому времени», скорее всего, выработалось у Блока только в финале русско-японской войны и начале первой русской революции. Александра Андреевна до 1905 г. «выписывала <...> “Новое время”, причем читала только фельетоны да отчеты о пьесах и книгах. Тут узнала она, между прочим, и Розанова. Когда наступила японская война, Ал. Андр. стала пристальнее читать газеты <...>

Ее сильно волновали наши неудачи, падение Порт-Артура, Цусима, но еще безусловно верила “Новому времени” и до последней минуты думала, что мы победим <...> После 9-го января Ал. Андр. Резко переменяла свое отношение к царю и к старому режиму <...> Открытие Государственной Думы в 1906 г. тоже было встречено радостно <...>

Деловая сторона заседаний ее не интересовала, она следила только за оппозиционным элементом, ища в нем революционное начало, стала выписывать “Речь”, возненавидела “Новое Время”¹¹.

В «Новом времени» часто публиковались статьи на тему Дальнего Востока и восточной политики. Наиболее заметным автором, уделявшим внимание этим «восточническим» сюжетам, был Сергей Николаевич Сыромятников, публиковавшийся здесь в 1893–1904 гг. под псевдонимом «Сигма»¹².

Свои соображения о китайских и корейских перспективах для России, о ее интересах на Дальнем Востоке Сыромятников постоянно высказывал на страницах «Нового времени». Блок мог

слышать о Сыромятникове от Дмитрия Менделеева, с которым журналист был хорошо знаком и котором оставил мемуарный очерк.

Сыромятников был не чужд восприятию и описанию дела России на Востоке в романтически-поэтических и даже в определенной степени мессианских категориях. В своей, наверное, основной политико-философской работе — в изданных в 1901 г. «Опытах русской мысли» — журналист писал о миссии России на Востоке в таких выражениях: «Против вашего мозга будем бороться мы, последние богоносцы. Будем бороться за деревню, за лес, за чистое небо, за чистую душу, за чистую совесть, за зверя, за птиц и за рыб, за всех наших братьев в мироздании. Мы будем бороться за жизнь против машины, за свободу против социального цухтхауза, за бедность против богатства. <...> Мы сделаемся предводителями бедных материальными благами и богатых духом»¹³.

Несколько лет назад автор этих строк в одной, уже устаревшей на настоящий момент работе¹⁴ указал на возможную переключку строк из «Опы-

тов русской мысли» (все главы которой публиковались в качестве воскресных фельетонов в «Новом времени») и образного ряда блоковских «Скифов». Так, Сыромятников говорил, описывая свой диалог с неким немецким археологом (состоявшийся в 1900 г. в районе Персидского залива, где Сигма был с очередным разведывательно-торговым заданием): «Мы

МИФОПОЭТИКА БЛОКА ЭПОХИ «ПЕРВЫХ ЗОРЬ» 1903–1905 ГОДОВ СВЯЗНА С МЕЧТАМИ О «ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ» РОССИИ

сделаемся предводителями бедных материальными благами и богатых духом... Отныне не будем мы защищать грудью Европу от Азии, как защищали ее от натиска татар. Мы пойдем заодно с этой Азией, ибо мы нашли себя и обдумали себя и увидели, что вы идете не на дело жизни и обоготворения, а на дело смуты и служения дьяволу»¹⁵. Угроза перестать быть «щитом» между Европой и Азией ясно содержится и в «Скифах», хотя Блок и не доходит до предложения присоединиться к азиатским ордам, «пойти с ними заодно», выбирая вариант, рассыпавшись «по дебрям и лесам», очистить место бою «стальных машин, где дышит интеграл с монгольской дикою ордою». Таким образом, в «Скифах» Блок фактически как бы

10 Запись от 29 августа 1917 г. // Блок А. А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. С. 307.

11 Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 315, 317.

12 О нем см. в первую очередь: Сыромятников Б. Д. «Странные» путешествия и командировки «Сигмы» (1897... 1916 гг.). СПб., 2004.

13 Сигма. Опыты русской мысли // «Новое время», 1900, 29 октября.

14 См.: Межуев Б. В. Забытый спор. О некоторых возможных источниках «Скифов» А. Блока // «Соловьевские исследования», 2002, № 5. С. 187–210.

15 Сыромятников С. Н. Опыты русской мысли. Книга первая. СПб., 1901. С. 30.

возвращается к «восточничеству» своих молодых лет, парадоксальным образом извлекая из этого сложного идейного комплекса содержащиеся в нем подспудно квази-революционные и даже квази-анархические компоненты. В целом, мы полагаем, что переосмысление всего творчества Блока с учетом этого возможного «восточнического» влияния позволит нам увидеть многие его как будто совершенно оторванные от земной действительности пророчества в более реальном свете. Блок предстанет более сложной, более объемной фигурой, чем это представлялось литературоведению советских лет.

Однако Сыромятников и Блок стоят в совершенно разных регистрах культуры, и хотя они краткое время в 1905–1906 гг. сотрудничали одновременно в газете «Слово», издаваемой братьями Перцовыми, далее они двинулись в совершенно противоположных направлениях, и, казалось бы, им никогда не суждено было встретиться лицом к лицу. Однако события революции 1917 года и то, что последовало за ней, сделало возможными самые неожиданные человеческие сближения. В архиве Санкт-Петербургского отделения Архива РАН Б. Д. Сыромятников обнаружил интересное эпистолярное свидетельство, в котором Сергей Сыромятников в письме к академику В. М. Алексееву от 22 августа 1922 г. рассказывал об обстоятельствах своего личного знакомства с поэтом и также о своем отношении к его поздним произведениям: «Второй вопрос, это Александр Блок. В № 15 “Былого” я прочел его серьезную и правдивую статью о революции¹⁶. Как, однако, согласить ее с “Двенадцатую” и “Скифами” и как согласить их с “Прекрасною Дамой”? Как мог внук Гдовского предводителя дворянства и внук <...> Бекетова написать эти две гнусные вещи и как мог он после них писать стихи? Я познакомился с ним в редакции Всемирной литературы в мае 1919 и Блок показался мне человеком надтреснутым. Вы должны были знать его хорошо. Что это был за характер или трость, колеблемая ветром? У нас в Бологом решили учинить вечер в его память. Пригласили меня. Я отказался: *de mortuis nil nisi bene* [О мертвых либо ничего, либо хорошо. — Ред.], а “12” и “Скифы” точно клопы в блюде поэтической кухни Блока. Я до сих пор не могу забыть их, как многие не забыли формулы “грабь награбленное” или совета Маслова и Виктора Чернова выкуривать помещиков из их гнезд. Люди под старость теряют эластичность чувств и я не исключение из этого правила»¹⁷.

Сергей Сыромятников (1864–1933) был писателем, этнографом, путешественником и, по-видимому, разведчиком, принявшим участие сразу в двух экспедициях на Дальний Восток — в 1897 г. он отправился в Китай вместе с посольством князя Э. Э. Ухтомского, вслед за тем совершил поездку по Корее; в 1898 г. он был руководителем одной из партий известной корейской экспедиции А. Звегинцева и Н. Корфа, с которой нагальсь знаменитое предприятие на Ялу (тогнее Ялуская концессия служила прикрытием разведывательной и впоследствии военной миссии).

Обнаруженное Б. Д. Сыромятниковым свидетельство об отношении консервативного по своим взглядам литератора к революционному поэту любопытно, в частности, сообщением, что Сыромятников не видит в тех же «Скифах» отзвука в том числе и своих собственных, старых «восточнических» мечтаний. Разумеется, Сыромятников никогда не пытался превратить свою реплику в какую-то цельную экспансионистскую идеологию в духе идеи бунта «мировой деревни» против «мирового города». Но, оказывается, что слова имеют свою жизнь — они способны заражать воображение поэта, как та самая «пылинка дальних стран». И порождаемый этой «пылинкой» поэтический туман тесно сплетается с реальностью, особенно в том случае, когда рождающиеся в тумане стихи становятся классикой и тем самым — неотменяемым компонентом русского национального самопознания.

¹⁶ Речь идет о статье Блока «Последние дни старого режима», опубликованной в журнале «Былое», 1919, № 15.

¹⁷ СПб. отделение Архива РАН, Ф. 820, оп. 3. № 759.